

СТЕНАНИЯ

Перевод Б. Серебряков

*Стемнело. Старик, муки сердца скрывая,
Подбросил охапку поленьев в огонь
И, древний обычай страны соблюдая,
Он юного гостя приветствовал вновь.*

*И друг против друга мы чинно уселись,
Костер разгорался горячим огнем.
Вдали перед нами шумело ущелье,
Дыханье свое расстилая кругом.*

*Бессонные птицы шумят и кудахчут,
И каркают жалобно в темной ночи,
Кричит «сирота», одинокая птаха,
Сова ужасающе жутко кричит.*

*И ночь вся охвачена жутью глубокой.
И ночь вся охвачена страшной тоской...
Вот где-то раздался из чащи далекой
Голодного волка протяжный вой.*

* * *

И длинный чубук свой наполнивши куревом.
Кряхтя тяжело, растянулся старик,
И брови, подобные туче, нахмутив.
Раскатисто-глухо он стал говорить:
— Рассказывай, что у вас в городе нового,
Расскажешь — и люди узнают кругом
О мертвых, живых, дорогом и дешевом,
О новой газете, о прочем таком...

Болтают у нас, будто три государства —
Однако не верится что-то мне —
Решили, чтоб тот, кто войною ударит.
Престола лишился в своей стране.

Кто слышал, чтоб чудо случилось такое?
В природе ли царской, в природе ль князей.
Чтоб в страны чужие не шел он войною.
Не грабил бы земли, не резал людей?

— Эй, брось, старина, о царях, ради бога!
Давно надоела мне в городе жизнь.
Ты лучше о вашей жизни убогой,
О болях и горестях мне расскажи.

— Ну, что потерял ты? Чего ты тут ищешь? —
Старик начал речь свою, горько смеясь.—
Не умерли, видишь, живем, дружище,
Завидую всем умирающим я.

Что жизнь наша? Хлеба кусок
зачерствелый.
Зависит от неба у каждого жизнь.

А если зависит, известное дело,
Какою должна его жизнь быть, скажи?

Вот я, например. В этих мрачных ущельях,
Четырежды двадцать — мои вот года,
Я радости в жизни не видел доселе,
Достатка не видел еще никогда.

Всё лето не знаю горячей пищи,
Кручусь здесь, работаю в поте лица,
Невзгод, огорчений — целые тыщи,
И нет моим бедам тяжелым конца.

От лоз не имею такого дохода,
Который равнялся б налогу на них.
Вот если бы денег иметь хоть немного,
Тогда у нас не было б жалоб таких.

А я, вот, за колья, за хворостинки,
Без пользы лежащие, деньги несу.
Шалаш этот — видишь? Две-три лишь жердинки,
А тоже раз шесть волокли меня в суд:

«Ты лес молодой порубил», — что ты скажешь?
И слушать не хочет, свое говорит,
Пока писарей, старшины не подмажешь...
А нынче у них ведь большой аппетит...

И воры, и волки ограбить стремятся,
Ты чуть отвернулся — и нет добра.
Воруют из дому, несут со двора,
И даже не знаешь, куда бы податься.

Подать старшине, что ли, жалобу? Что ты!
Врага наживу в нем — и только всего:
След вора приводит к его ведь воротам...
Попробуй-ка правду найти у него!..

Сажает тебя он за стол, угощает,
Горячего чаю иль водки дает:
«Ступай себе, дедушка! Спи спокойно!
Уж вор от меня никуда не уйдет...»

Весь мир превратился в «хватай что можешь»,
Любовь — это меч, кровь людская — вода.
Ни страха, ни совести нет у сильных,
А слабых совсем одолела беда.

Вчера на столбе том — был вечер — висели
Три чьих-то винтовки, — я сам проследил.
Бездомные люди, а может и беглые,
Пришли, а наутро вновь след их простыл.

А кто виноват? Вот и думаю думу,
И кто тут повинен, никак не пойму.
Везде темноты и невежества уйма,
И все мы во власти бесчисленных мук.

Вот видишь, чем жизнь наша, братец, богата.
У нас — языка нет. Кто сильный — тот бог.
Мы старого нынче лишились адата,
А новых еще мы не знаем дорог.

Живут с нами здесь, по соседству, тавады —
Хозяева наши. У них все права.

С расстегнутым поясом, водкой брюхаты,
На крышах стоят, засучив рукава.

Один у нас пядью землицы владеет:
Как плюнешь с конца, до другого дойдет.
Другим не дает, сам не пашет, не сеет,
Зажал в кулаке весь крестьянский народ.

Чужую скотину, гляди, забирает,
Загонит тихонько на поле свое,
А после, ругаясь, ее выгоняет
И штраф за потраву с владельца берет.

Порою на свадьбах танцует зимою,
Вокруг богатеев юлит, блюдолиз,
Добудет монеты, добро наживное,
И едет проесть и пропить их в Тифлис.

Напраслину как-то он взвел на чабана:
Мол, тот в его поле скотину загнал.
Чабан же не дался такому обману:
«Пусть явится, скажет, что это видал...»

Уж так мне его образумить хотелось:
«Чаты, — я молил его, — брось это дело,
А ну его к черту! Уйди от греха...»
Да грубого разве проймешь пастуха?

Так нет! Заупрямился он. Как скала,
Он стал неподвижно на сельском майдане:
«Вот суд, вот тавад, вот, смотрите, и я.
Пусть выйдет! А ну-ка? Посмотрим, что станет!»

Столкнулись. И начали слово за словом.
Чаты ляпнул несколько грубых слов, —
Уж если дерутся, порядок таков:
Друг друга, вестимо, не потчуют пловом.

А наш старшина благословенный —
Под стать ему случай этот отменный.
С тавадом всегда заодно он. И вот.
Он с длинною плетью на площадь идет.

Чабана на людях к столбу прикрутили.
Избил он чабана что было силы.
«Далеко тебя упеку, — говорит, —
Отныне не взвидишь ты солнца Лори...»

И вот стариков мы почтенных избрали,
Послали к таваду, чтоб пали с мольбой.
Просили его мы и деньги давали.
Чтоб миром закончили спор меж собой:

«Ну чем провинились вы друг перед другом?
Повздорили. Кровь ведь не пролил никто?
Ну, высечь заставил... Возьми и штрафные, —
Кончай это дело. Довольно. Идем».

На лавку тавад положил свою ногу:
«Несите вот столько, — тогда и простим...» —
«Вот всё, что имеем. Клянемся богом!
Откуда еще нам тебе принести?...»

Но, как мы ни бились, он был непреклонен.
Отправил он жалобу выше еще:

Что он — сын

тавада, что он — оскорбленный,
И что оскорбитель — пастух простой.

На следствие прибыл чиновник большой,
С кокардой на шапке, с густой бородой.
Приехал, отправился в дом к старшине:
«А где тут Чаты? Приведите ко мне...»

Приходит Чаты, — несуразный, нескладный.
Как дерево, стал посредине — громадный.
Не знает закона, глядит в упор,
Как зверь бессловесный, живущий средь гор.

И начали следствие. Парня схватили.
«Как смел ты, несчастный, тавада ругать?»
И толстую книгу закона открыли,
Решили чабана в Сибирь сослать.

И вот стариков мы почтенных избрали,
Послали к таваду, чтоб пали с мольбой,
Просили его мы и деньги давали,
Чтоб миром закончили спор меж собой:

«Ну чем провинились вы друг перед другом?
Повздорили. Кровь ведь не пролил никто?
Ну, высесть заставил... Возьми и штрафные, —
Кончай это дело. Довольно. Идем».

— «И я, — отвечал он, — имею ведь совесть.
Не нужно мне вовсе чабановой крови...
Пусть только жена его мне помочь
Постель постелить придет в эту ночь».

Имеющий совесть — и так заявляет.
Ну, ясно. О чем же еще говорить?
Мужчина, который про честь понимает,
Сам знает, как надо ему поступить...

Вчера на столбе том — был вечер — висели
Три чьих-то винтовки, — я сам проследил...
Как много народу из дому исчезли,
Как много убийцами стали из них...

А кто виноват? Вот я думаю думаю,
А кто виноват, не пойму я никак.
Хоть ум мой короток, однако я вижу,
Что жить невозможно становится так.

Один по своей поступает воле.
Другой — даже слова сказать не волен.
Ведь ты образованный. Вот и скажи,
Какой это бог так устроил нам жизнь?

Единоверцы, армяне ведь оба,
А вот ведь — мужик, а другой — богатей.
Иль кровь богача нашей крови красней?
Иль нас он искусней, умней и способней?

И вот ты, тавад, будешь делать что хочешь
И я даже слова не смею сказать?..
Эх, друг! Не расспрашивай. Больше нет мочи
Не то мне придется разбойником стать...

Старик замолчал. Прилегли мы на землю.

Костер разгорался горячим огнем.
Вдали перед нами шумело ущелье,
Дыханье свое расстилая кругом.

<1890>